

Множеством ласковых слов она увлекла его; мягкостью уст своих овладела им; тотчас он пошёл за нею, как вол идёт на убой, и как олень на выстрел, доколе стрела не пронзит печени его...

Книга притчей Соломоновых, глава 7, (21, 22, 23)

Лилово-розовый край неба быстро светлел. Смутные очертания желанного берега проступили в утренней дымке. Серебристо-серая гладь моря плавно колыхалась лёгкой зыбью, напоминая о недавнем шторме, но сине-голубая даль уже вспыхнула рассветной позолотой, вновь призывая в свои обманчиво тихие просторы. Боцман Николай Семакин стоял у борта, опершись обеими руками на планширь, с волнением всматривался в горизонт. Стоял и думал...

Тоскливо и радостно было на душе одновременно. Не верилось, что это его последний промысловый рейс на рыбацком судне, к которому прикипел за долгие годы работы, как старая ракушка прирастает к днищу корабля. Немало усилий требу-

ется, чтобы отодрать её от железа. Трудно расстаться с судном, ставшим родным домом. Почти двадцать лет красил, мыл, чистил его, содержал в исправном состоянии своё обширное заведование. Все заклёпки, канаты, спасательные круги и плоты, шлюпки, якорные цепи и лебёдки, флаги, даже скребки, малярные кисти, швабры и всё судовое снаряжение такелажа хранили теплоту его мозолистых, шершавых ладоней.

– Нет, море... Всё! Баста! Не заманишь меня больше в свои объятия, – убеждал себя. – Пора, наконец, бросить якорь на берегу... Осуществить давнюю мечту – построить домик у моря. Не здесь... На суровом севере, где прошла почти вся жизнь. А там... На ласковом солнечном юге... Буду нежиться на тёплом песке, ворошить прутиком маленького крабика и млеть от удовольствия беззаботного времяпрепровождения с бутылкой прохладного пенистого пива. И потому, что совсем немного осталось до того счастливого часа, когда придет на свой собственный земельный участок, возьмёт в руки топор и начнёт строить дом, на сердце была волнительная радость.

Белое пятнышко на гранитном утёсе у входа в бухту приняло форму маяка, мигавшего красными проблесками. Различимыми стали причалы и пирсы рыбацкого порта. Грохот якорных цепей, сотрясающих палубу, нарушил тишину сентябрьского утра. Рыболовный сейнер «Сивуч» вернулся в базу после шестимесячной путины...

– Вам сок, лимонад или пепси-колу? – тронула его за плечо стройная, очаровательная стюардесса. Николай вздрогнул, увидел рядом с собой столик с напитками, плохо соображая спросонья во сне или наяву предстала перед ним эта элегантная белокурая красавица в синей пилотке.

– Да... Воды мне, пожалуйста... Минеральной...

Хорошо-то как! Сидеть и дремать в уютном самолётном кресле, лететь навстречу мечте... Вот это жизнь! Без промоз-

глого солёного морского ветра северных широт... Без изнуряющей качки и вечного запаха тухлой рыбы... Без волнений, переживаний, без аварийных тревог... Николай с завистью смотрел на изящную, словно точёную фигурку бортпроводницы, на её красивые ноги и бёдра, обтянутые короткой юбкой униформы, на выразительную грудь. Смотрел и думал: «Живут же люди... Какой-то счастливчик обнимает и целует эту милovidную девушку... Кого-то любит она... И у него могла быть такая... Он опустил ниже спинку кресла, устраиваясь поудобнее, с блаженством прикрыл глаза. Сидел и думал... Большую часть жизни провёл на море. Не женился. Всё копил деньги, чтобы осуществить мечту – построить дом на берегу Чёрного моря. А жизнь шла. Одна путина сменяла другую. Постановки в доки, ремонты, подготовки к новому промысловому рейсу. Немного оставалось до заветной цели, но грянула горбачёвская перестройка, а вместе с ней денежная реформа. Тысячи личных сбережений, заработанных его жилистыми руками, многомесячными болтанками в Атлантике и Баренцевом море, обесценились, пропали в одночасье. Сними он деньги раньше со сберкнижки – с лихвой хватило бы и на дом, и на автомобиль. Да знал бы где упасть – соломки бы постелил...

Так, подрёмывая под монотонный гул турбин, напоми-
навший ему шум в машинном отделении сейнера, Николай
размышлял о превратностях своей судьбы. Никого у него нет.
Ни братьев, ни сестёр. Ни отца, ни матери. Детдомовец. Один
на свете, ни жены, ни детей. «Ничего... Вот построю дом...
Женюсь на вдовушке и заживу как все нормальные люди...
После той злополучной реформы пришлось снова несколько
лет морячить, копить деньги... Опять ушли годы... Но теперь
кончено... С морем завязал... Деньги, чтобы начать строить
дом, есть... Небольшой домик... Но обязательно возле са-
мого моря, без которого можно умереть с тоски... И чтобы

красивый домик... Какой виделся в мечтах: с украшениями всякими... И всё утопает в розах, в орхидеях...

– Уважаемые пассажиры! Пристегните ремни! Наш самолёт идёт на посадку, – объявила бортпроводница. – Температура в Симферополе двадцать пять градусов...

... Рыболовный траулер... Самолёт... Стюардесса... Как будто вчера всё было... А ведь прошло уже пять лет... И он сидит в шезлонге на веранде своего двухэтажного особняка, построенного собственными руками, смотрит на зеленоватое море, плещущееся неподалеку, устало пьёт боржомом и думает... Вот он песок, мокрый и гладкий после отлива, горячий в дневную жару... Стоит сделать всего полсотни шагов, чтобы упасть на него и отрешиться от всех забот. Но не падал на него, не ворошил прутиком крабика, не загорал в безделье... Всё некогда... Теперь вот ещё сад... Цветочные клумбы... Газоны... За ними уход нужен... Время... Терпение... Когда пенсионеру нежиться на пляже? Работы прибавилось, а сил убавилось... Мечтал небольшой домик построить, а получился огромный кирпичный коттедж... Без резных наличников и фронтонов с украшениями... Окна пластиковые, а фасады сайдингом обшиты. Евростандарт! Всё не так, как видел в мечтах... Два этажа... Мезонин... Мансарда... Балкон... Терраса... Веранда... Шесть просторных комнат... Два туалета... Две ванных... Огромная кухня... Спальня... Мастерская... Гараж... Подвал... И всё для одного себя? Зачем? Много недоделок... Каждый день с утра до ночи приходится пилить, строгать, стучать молотком, красить, клеить, штукатурить... А жить когда?! Вот дострою... Вот докрашу... Вот плиткой отделаю... Потом поживу...

– Гражданин! Можно с вами поговорить?

Бодрый женский голос оторвал Николая от тягостных размышлений. Он открыл глаза и посмотрел на кованую калитку,

за ажурными гнустостями которой проглядывали белая блузка и синие джинсы.

– Входите, не бойтесь... Собаки нет... – отставляя бокал с боржомом, поднялся с шезлонга Николай. Она вошла. Красивая, обаятельная женщина. Такие про себя говорят: «В сорок пять баба ягодка опять!»

– Это ещё что за дама из Амстердама пожаловала? – сказал удивлённо Николай, поднимаясь с шезлонга.

– Агент страховой компании Татьяна Ивановна Лапина, – представилась вошедшая во двор «ягодка». – Какие у вас великолепные розы! У вашей жены талант цветовода!

– Я не женат, – смущаясь, сказал Николай. – Розы – моё увлечение. Эти белые – сорт Амелия... Вон те жёлтые – Сфинкс... А тёмно-красные – Чёрная магия....

– Такой замечательный мужчина – и не женат?! Куда только женщины смотрят?

– Я всё больше по морям, по волнам... Сейчас стройкой занят, – скромно ответил Николай, стесняясь своего холостяцкого положения. В его годы стыдно быть ни разу не женатым. Всякое могут подумать о таком мужчине. И в первую очередь так: «Не нормально у него со здоровьем...»

– Обожаю розы... У вас шикарный дом... Такой большой... И сад! Красивая ограда...

– Ничего особенного. Сейчас многие строят такие домики у моря.

– И не скажите... Прекрасный особнячок... Прямо-таки дворец, а не просто дом. Дорого стоит... Надо обязательно застраховать...

Она улыбнулась такой обворожительной улыбкой, что Николай постеснялся отказать в страховании своего детища, отнявшего немало сил и средств.

– Вот и хорошо... Вот и чудненько, – раскладывая бумаги на столе веранды, обрадовано сказала страхового агента. – Подпишите вот здесь... Ещё здесь...

Он машинально подписывал, не читая документов, всецело доверяя ей, и всё глядел, как замороженный, на взбитые феном каштановые волосы и упругую грудь, на серьги и жемчужные бусы, на ярко-вишнёвые сочные губы, на лакированные ногти. Её зеленоватые, лукаво-озорные глаза стреляли по нему, и конечно, не могли не видеть проплешины на седеющей голове бывшего босса, морщины, избороздившие продублённое арктическими ветрами его красное, обгорелое на солнце, лицо, натруженные, с вздутыми венами узловатые руки, испачканные краской и цементом. Они, эти хитроватые кошачьи глаза, чуть насмешливо прищуренные, пробежались по его затрапезной рубашке, мятым штанам и стоптанным ботинкам с ободранными носами, опустились на подписанные им бумаги.

Расточая аромат тонких духов, она одарила его завораживающей улыбкой и ушла, качая бёдрами, постукивая каблучками модных туфель по асфальтированной дорожке между цветочными клумбами. И он растерянно и взволнованно смотрел ей вслед, не решаясь окликнуть, что-то спросить... Ему страстно захотелось увидеть её снова. Но она скоро вернулась за якобы забытыми ключами.

– Ах, нет... Извините... Да вот же они... В сумочке... Вот Маша-растеряша... Смеркается уже... Боязно идти одной... Но такая наша работа... Часто приходится ходить поздно...

– Погодите, Татьяна Ивановна!

Николай схватил садовые ножницы, настриг букет самых лучших роз, предусмотрительно обернул газетой низ, чтобы не уколоть шипами нежных пальчиков.

– Вот... Позвольте проводить вас...

Они шли берегом уснувшего моря. Волны лениво лизали песок, с лёгким шуршанием откатывались назад. Теплоход, залитый огнями, пробасил вдали сиплым гудком.

– Так вы бывший моряк, Николай?

– Моряк – это профессия... Как, скажем, врач, учитель, инженер или офицер... Моряк не может быть бывшим... – вежливым тоном поправил Николай... – Да, я в прошлом рыбачил на сейнере... Боцманом был. В Атлантику ходил... Но время летит... На пенсии уже пять лет... А вы не замужем?

– Почему так решили?

– Незамужние женщины больше внимания уделяют своей внешности...

– Хм... Да... Не сошлись характерами... Он пил... Гулял... В общем разошлись... Дети взрослые уже... Свои семьи у них... Живут отдельно... А я одна... А дом у вас и в самом деле чудесный...

– Хозяйки в нём нет... Мне бы такую, как вы...

– Делаете мне предложение? Вот так сразу? В первый вечер знакомства? Но вы меня совсем не знаете...

– А что тянуть резину? Вы красивы... Но уже не молоды, а я на пенсии... Каждый год у нас теперь на вес золота...

– Я согласна... Коля...

Свадьбы, разумеется, не было. Гостей тоже... Расписались в ЗАГСе, посидели в кафе за бокалами шампанского, и Татьяна Лапина вошла в дом Николая полноправной хозяйкой. Свою квартиру в Ялте она отдала замужней дочери.

...Когда это было? Три года назад... А всё вроде как вчера... Обручальные кольца... Цветы, конфеты, шампанское...

Он лежал в больничной палате хирургического отделения. Смотрел в белёный известью потолок и думал... Зачем женился? Жил без хлопот, сам себе велосипед, хочешь крутишь, хочешь нет. Много переживаний и волнений доставила ему

суетная, беспокойная Татьяна. Всё ей чего-то не хватает, не достаёт, хочется большего. Управляясь по дому, по саду, с утра до темноты, не покладая рук, он обустроивал дом, сад и двор. Татьяна возвращалась поздно, от неё пахло вином, сигаретным дымом, но всегда находилось оправдание.

– Ну, что ты, дорогой? Издержки работы... Корпоративные вечеринки... Встречи клиентов в офисе... Заключение страховых сделок... Не так просто раскрутить богатого человека, желающего застраховать имущество, недвижимость... Ты ревнуешь? Напрасно... Ну, право, как ребёнок...

И обнимала с нежными поцелуями. Так ему казалось... Под её упоительными ласками Николай таял, словно кусочек сахара в стакане горячего, крепко заваренного чая, соглашался со всем.

– Ты ведь можешь работать? Не так ли? Я подыскала тебе хорошее место вахтёра на хлебокомбинате. Сутки через двое... Всё прибавка к пенсии... Спальный гарнитур куплю новый... Туристическую путёвку в круиз по Средиземному морю возьму себе... А что? Ни разу в море не была... Ты-то поплавал, повидал...

– На сейнере вкалывал как прокажённый... Некогда было любоваться морскими красотами... Да и Баренцево море не годится для праздных прогулок... Поедем вместе?

– Да ты что?! В доме ещё так много работы... Чердак надо обустроить... Там можно будет сдавать помещение отдыхающим... В саду кто абрикосы и персики соберёт? Кто продаст фрукты туристам? Подумал?

Он уходил на дежурство, а вернувшись домой, находил в разных местах небрежно брошенные окурки, недопитые бутылки из-под вина и коньяка, смятые постели и другие приметы чужого присутствия и неверности жены.

Как всегда, объяснение находилось.

– Подруга с мужем в гости заезжали... Посидели немного... Одноклассница отдыхает в санатории, созвонились, встретились... Ещё один клиент по страховке своего автомобиля заезжал... Дочь с зятем были...

И быстро переменяла тему неприятного разговора.

– Ты получил зарплату? Диван в гостиную более современный возьму... А твой старомодный выброшу...

Её денег, заработанных в страховой компании, он не видел. Татьяна тратила их на роскошные наряды, на своих детей и внуков.

– Тебе зачем деньги? Детей у тебя нет... Переживать не о ком... Обут, одет... Не голоден... Чего ж ещё?

– Лака банок десять прикупить... Цемент мешок... Белил... Обоев десять рулонов...

– Ого! В другой раз! У моей старшей внучки Алёнки день рождения. Не пойду же я к ней с пустыми руками!

– Что-то неважно себя чувствую, Таня... Нутро болит... Жжёт внутри огнём...

– Настойку мою пил? Нет?! Дитя малое!

– От неё мне только хуже... К врачу надо... Денег дай... Лекарства купить, какие пропишут...

– Ну, вот ещё чего выдумал! Знаем мы этих врачей... Сама поправлю тебя. Вот сильное тонизирующее средство... Приготовила по рецепту народной медицины... Стараешься для него, а он ещё упрямится... Пей!

Чуть не насильно вливала ему в рот какое-то вонючее снадобье. Совала таблетки. Поила горьким настоем трав. День ото дня ему становилось всё хуже. Слабость, тошнота, головокружение, учащённое сердцебиение. Однажды, войдя поутру в сад, он почувствовал расстройство живота, поспешил в туалет. Тёмно-красная струйка свёкольным соком полилась из него.

– Странно, – обеспокоенно проговорил он. – Не ел я свёклу... Ни сырую, ни варёную...

Острая мысль пронзила сознание:

– Кровь! Кранты тебе, боцман!

Страх не было. Отрешённость, равнодушие, безразличие к самому себе овладело им. Стало вдруг заносить из стороны в сторону. Он даже пошутил:

– Ничего себе штормит... Девять баллов!

Цепляясь за стену, чтобы не упасть, подобрался к телефону, позвонил:

– Алло... Скорая? Плохо мне... Кровотечение...

Дежурный хирург сразу поставил диагноз:

– Прободная язва... Срочно готовить к операции...

И вот он лежит, боясь шевельнуться, на больничной койке. Слышит вздохи, постанывания соседей по шестиместной палате. Иногда они иронизируют над своими немощными телами, подтрунивают друг над другом, смеются, за животы держатся, чтобы швы не разошлись. Крепкие мужики. Жить да жить им. Лишь Семакин да ещё дедок у окна, с Библией в сухоньких, старческих руках, самые пожилые здесь. Разные люди... Разные характеры... Разные судьбы... Ржут, несмотря на свежие швы, скрипят зубами.

– Ох, мамочки... Ох, не смешите меня...

Анекдоты на всякие житейские темы, но всё больше о дуралеях – мужьях и неверных жёнах. Для всех больная тема. Один рассказывает:

– На рассвете встаёт мужик, подошёл к окну, а на улице пурга, свету белого не видать. «Ты куда собрался в такую рань?» – спросила спросонья жена. «На рыбалку», – ответил мужик. Оделся, вышел на улицу. Мороз, ветер. «А ну её к чертям рыбалку эту», – подумал мужик и домой воротился. Разделся, забрался в постель к жене, обнял её, дрожит весь.

«Ты чего трясёшься?» – спросила жена. «На улице такая дубо-риловка», – ответил муж. «А мой дурак на рыбалку ушёл...»

Смеются, животы держат, морщатся.

– Хватит, мужики... Мочи терпеть нет... Давайте о серьёзном... Семёныч! Почитай нам что-нибудь из Библии... Притчи Соломоновы!

Семёныч, худой, с пожелтевшим, измождённым лицом старик, отмеченным печатью недалёкой смерти, слабо шевельнулся под простыней. Глянешь на него и грустно скажешь: «Не жилец ты на этом свете, Семёныч». Протянул руку к тумбочке, нашарил очки, надел. Раскрыл книгу на странице, отмеченной закладкой.

– Слушайте, коли так... Жеребцы необъезженные... Кобели глупые... Учат вас, дураков, учат, а вам всё неймётся, всё норовите в чужом дворе отметить... А в Священном Писании чёрным по белому сказано: «Кто прелюбодействует с женщиною, у того нет ума; тот губит душу свою, кто делает это; побои и позор найдёт он, и бесчестие его не изгладится; потому что ревность – ярость мужа, и не пощадит он в день мщения, не примет никакого выкупа, и не удовольствуется, сколько бы ты ни умножал даров». Глава шесть, притчи тридцать два – тридцать пять.

– Ну, Семёныч, нагнал жути...

– При чём тут я? – закашлялся Семёныч. – Великий царь Соломон, сын Давидов, в главе второй предупреждает: «Дом её ведёт к смерти, и стези её – к мертвецам». Притча восемнадцать... И наставляет вас, неразумных нечестивцев: «Не отдавай женщинам сил твоих, ни путей твоих губительницам царей». Глава тридцать один, притча третья...

Николай рассеянно слушал, не придавая значения высказываниям старика. Его не касаются премудрости насчёт любовных походов к чужим жёнам. Не имел такой привычки шастать по блудным делам. Встречался, конечно, с

женщинами, но были они незамужними. Татьяна сама пришла к нему в дом. Окружила теплом и заботой. Ну, есть некоторые сомнения относительно её неверности... Однако не пойман – не вор. Следить за ней не станет... Красивая... Всё равно не уследишь... Доверять надо...

Дверь палаты приоткрылась. Миловидная женщина в белом халатике, наброшенном на покатые плечи, заглянула с умильной улыбкой, игриво осведомилась:

– К вам можно, мальчики?

Смех, разговор тотчас стихли. «Мальчики» стыдливо прикрыли наготу, стесняясь капроновых трубок, торчащих из их ноздрей, животов и прочих отверстий.

– Как дела, Коленька? – присаживаясь к нему на койку, ласково спросила Татьяна. – Залечат тебя здесь эти коновалы... Больно, да? Ах, ироды! Располосовали как! Могли бы и аккумулятивнее зашить... Заштопали как мертвеца... Шрам останется... Договорилась я о переводе тебя в клинику профессора Иванова... Не слышал о таком? Ты же знаешь, у меня связи... Быстро поставят там тебя на ноги... Да... Кое-какие формальности...

Она спохватилась, настороженно поглядывая на дверь, поспешно достала из сумочки какие-то бумаги.

– А что, обход уже был? Хорошо... Вот... Твоё согласие на перевод в другую больницу требуется... Заодно некоторые документы подписать... Страховку на дом переоформляю на более выгодных условиях... Ты же не будешь возражать? Фу... Какая ужасная палата... Такой тяжёлый воздух... Какие-то старые тумбочки! А врачи?! Здесь нет ни одного доктора наук! Подписывай скорее! У меня встреча с богатым клиентом назначена для оформления договора.

В палату, воровато озираясь, торопливо вошли двое представителей молодых мужчин в халатах цвета морской волны и таких же шапочках. У одного ноутбук, у другого кожаный портфель.

– А вот и врачи из той клиники.

Наклонилась к уху, шепнула: «У них лечатся только известные люди, высокопоставленные персоны... Знаменитые артисты, генералы, дипломаты... Подпиши быстренько эти бумаги, не задерживай... Я еле уговорила их приехать посмотреть на тебя...»

– Где очки? Ничего не вижу без них...

– Дались они тебе... Вот здесь, где галочки, поставь свои закорючки, и всё...

Сунула ручку, придвинула ближе тумбочку, чтобы удобнее было ему расписаться. И всё быстро, быстро... Николай подписал один документ, она подсунула другой, потом ещё один... Ещё... И безотчётно, слепо доверяя ей, он поставил росписи везде, куда ткнулся её палец. Татьяна поцеловала его в лоб, торопливо поднялась, глянула на него зеленовато-хищными глазами.

Молодые люди в спецодежде врачей, молча, сложили документы в портфель, направились к выходу. Татьяна поспешила за ними.

– Ну, пока, дорогой, – сказала с усмешкой. В коротком взгляде её прищуренных глаз Николай уловил скрытое презрение, ненависть, злобу и что-то ещё необъяснимое, отчего больно защемило сердце. Смутное чувство тревоги овладело им.

– Симпатичная у тебя жена, Николай, – с завистью проговорил мужчина на соседней койке, отбрасывая простыню и обнажая большой живот, оклеенный пластырем. – Не то, что моя Катерина... Женился – стройная была... А сейчас? Откуда что взялось? Растолстела... Хозяйка хорошая... Всё по дому... Варит... Жарит... Стирает... Чистит... Моет... Работящая бабёнка... Мать заботливая...

Старик аккуратно закрыл Библию, бережно погладил синюю обложку, назидательно произнёс:

– С лица воду не пить... Душа у твоей жены кроткая... Видал я её давеча, когда приходила проведать тебя... Добродетельная женщина... Сразу видно... Не вертихвостка... А красота что? Пыльца на крыльях бабочки... Потрепыхалась, и уж нет её, слетела вся...

Старик снова открыл Библию.

– И сказал Соломон в Книге притчей своих: «Миловидность обманчива и красота суетна; но жена, боящаяся Господа, достойна хвалы». Глава тридцать первая, стих тридцатый...

...В зале ожидания белокаменного железнодорожного вокзала станции Симферополь шумно. После отпусков в солнечном Крыму отдыхающие штурмуют кассы в очередях за билетами. Пассажиры галдят, то и дело из динамиков раздаётся неразборчивый голос дежурного оператора, сообщающего о прибытии, об отправлении поездов. Николай занял очередь в кассу для покупки билета до Мурманска. Присел на диван, обтянутый чёрным дерматином, уложил руки на блестящие подлокотники. Сидел, думал...

Татьяна в больнице больше не появилась. Ни в какую элитную клинику его не повезли. Документы подсунула ему на подпись, приготовленные на продажу дома. Его дома... Выстроенного его огрубевшими от инструментов руками. Изъеденными растворителями, известью, пораненными, ушибленными... Его дома... Выстрадавшего в мечтах во время плаваний, в непосильной работе. Не врачи то были в фирменных халатах, а самые обыкновенные жулики, мошенники, аферисты. Выписался из больницы, пришёл к своей калитке, почему-то запертой на замок. Удивился огромной сторожевой собаке с устрашающе обрезанными ушами, в бешеной злобе оскалившей клыки. На её неистовый лай вышел охранник в чёрной куртке, с дубинкой у пояса, с банкой пива, развязно спросил:

– Чего тебе надобно, старче?

– Это мой дом... Не понимаю... Вы что здесь делаете?

Впустите меня... Я – хозяин этого дома...

– Валерий Борисович! – окликнул охранник одного из двух молодых людей, сидящих на веранде за шахматным столиком. Они пили коньяк, курили сигары.

– Ну, что тебе, Бомбило?

– Тут какой-то мужик ломится... Говорит, что он хозяин... Впустить?

– Скажи ему, чтобы пошёл вон... И не беспокой по пустякам, Бомбило, – не отрывая сосредоточенного взгляда от шахматных фигур, задумчиво покусывая губу, сказал молодой человек, которого охранник назвал Валерием Борисовичем. К своему ужасу, Николай узнал в шахматистах тех самых «врачей», наведавшихся к нему в палату.

– Гуляй, Ванька... Ешь опилки... – хрипло рассмеялся охранник. Отхлебнул пива, набычился:

– Вали отседова... Хозяин... Сейчас Дружка выпущу, он тебе покажет, какой ты хозяин... Хотя, постой...

Охранник сходил в сарай и вернулся с чемоданом. С тем самым, с которым Николай приехал сюда восемь лет назад начинать новую жизнь.

– Вот... Бывшая хозяйка велела передать... В нём паспорт твой... Шмутъё... Барахло разное...

Николай долго ходил по судам и прокуратурам... Везде наткнулся на один ответ: «Дом продан по закону... Сделка оформлена в присутствии нотариуса лицом, находящимся во вменяемом состоянии». И спрашивали:

– Ваши подписи?

– Мои...

– Так чего же вы хотите?

– Меня обманули... Я не читал этих бумаг... Думал, что подписывал страховые документы... Поверил...

– Это ваши проблемы... Надо было читать... А так вы могли поставить подпись под собственным приговором на эшафот...

– Жена продала дом, пока я был в больнице...

– Из документов свидетельствует, что дом продали вы по обоюдному согласию...

...Женский голос вывел из грустной задумчивости:

– Место рядом с вами не занято?

Он поднял глаза. Перед ним стояла девица прилично одетая, на высоких шпильках, с большущей клетчатой сумкой, застёгнутой на молнию. Николай придвинул свой чемодан к ногам.

– Присаживайтесь, пожалуйста...

– Вы бы не могли покараулить мою сумку, пока я сбегаю в буфет? Выпью кофе... Весь день по магазинам... Набрала, вот, вещей всяких... В гости еду... Подарки папе, маме везу...

– Да, конечно... Я присмотрю...

Девица ушла. Через полчаса вернулась.

– Вот спасибо... Теперь и вы можете сходить, если хотите...

Я посижу с вашим багажом.

– Да... Я в кассу... Как бы не прозевать очередь...

Он стоял в толпе, переминаясь с ноги на ногу, положив ладонь на больной живот, оберегая его от случайных толчков беспокойных пассажиров. Мысли копошились, бились в голове, перескакивая с одного на другое, но неизменно возвращались к минувшим событиям чудовищной несправедливости. Трудно, просто невозможно было поверить в случившееся с ним несчастье.

– Вот гадина! Змея подколотная! Как объегорила! Прикинулась ласковой кошечкой, а у самой зубы крокодила... Обнимала... Целовала... Обернулась коварной коброй... Всё продала... Дом... Мебель... За границу укатила... Поди,

достань её там... Ладно... Уеду в Мурманск... В порту ещё помнят... Устроюсь матросом на какой-нибудь портовый буксир... Скоплю денег на комнатушку... – незаметно утирая слёзы, нашёптывал Николай в шумящей толпе. Его сдавили, подпихнули к окошку кассы.

– Мне до Мурманска... В плацкартном вагоне...

– Ваш паспорт, пожалуйста... – Сейчас... Где же он?

Предчувствие страшной, непоправимой беды сдавило сердце. Страх холодной змейкой заползал под одежду, леденил тело.

– Гражданин... Что же вы? Не задерживайте...

Толпа напирала, отодвигала от окошка. Одной рукой он цеплялся за прилавок, другой отчаянно рылся по карманам, тщетно пытаясь найти в них паспорт и деньги.

– Куда же он подевался? В нём деньги... Расчёт с хлебокомбината... Только, только на билет... Люди не дадут в дороге с голоду умереть... Наверно, в чемодане... Да... Конечно... Забыл взять его оттуда... И лежит он там в кармане старого морского кителя...

Не хотелось, ну, никак не хотелось верить, что обокрали... Вытащили паспорт из кармана вместе с деньгами в этой проклятой толчее... Ни девицы, ни чемодана не было. Её клетчатая сумка одиноко стояла в проходе. Николай рванул на ней застёжку: так и есть! Сумка плотно набита старыми газетами и всяким рваньём. Семакин медленно опустился на диван. Сидел и уже ни о чём не думал... Врач скорой медицинской помощи, осмотревший безжизненное тело неизвестного мужчины, с привычным равнодушием констатировал:

– Острая сердечная недостаточность... Инфаркт...

– И добавил, глядя, как санитары укладывают умершего на брезентовые носилки:

– Человек без паспорта...